

УДК 327.8

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764

EDN IRRNLF

Оригинальное исследование

Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях

Ефименко А.М.

Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Россия, Луганская Народная Республика, 291034, городской округ город Луганск,
квартал Молодежный, дом 20А
E-mail: efimenko.anastasiya.m@mail.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является комплексный анализ специфики реализации стратегии «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Российской Федерации, а также выявление отличительных черт российской модели в сравнении с западными и восточными (в частности, китайской) концепциями. Методологическая основа работы опирается на системный, сравнительный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать «мягкую силу» как интегративный инструмент внешней политики, сочетающий гуманитарные, информационные, культурные и образовательные компоненты. В рамках исследования проанализированы ключевые направления применения «мягкой силы»: развитие экспортно-ориентированного образования, продвижение русского языка и культуры, спортивная и гуманитарная дипломатия, внешнеполитическое медиа-присутствие, а также участие в международных организациях. Установлено, что российская стратегия отличается высокой степенью государственного контроля, ориентацией на постсоветское пространство и идеологическим акцентом на «суверенную демократию» и традиционные ценности. Сделан вывод о необходимости долгосрочного планирования и межведомственной координации для повышения эффективности гуманитарной политики России. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию роли нематериальных факторов в обеспечении внешнеполитического влияния Российской Федерации в условиях трансформации международной системы.

Ключевые слова: внешняя политика России, культурная дипломатия, публичная дипломатия, стратегическое влияние, образовательная политика, русский язык, информационное воздействие, международные организации, идеология суверенной демократии

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Ефименко А.М. 2005. Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 754–764. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764. EDN: IRRNLF

Conceptual and Practical Aspects of Implementing Russia's "Soft Power" in Contemporary International Relations

Anastasia M. Efimenko

Vladimir Dahl Lugansk State University,
Building 20A Molodezhny Quarter, Lugansk City District 291034, Lugansk People's Republic, Russia
E-mail: efimenko.anastasiya.m@mail.ru

Abstract. This article presents a comprehensive study of the strategic use of soft power in the foreign policy of the Russian Federation, with a particular focus on the conceptual and institutional foundations that distinguish the Russian approach from both Western liberal-democratic and Eastern (notably Chinese) models.

The research applies a multi-methodological framework that integrates a systemic analysis, comparative political inquiry, and institutional approach, enabling an in-depth examination of soft power as a complex foreign policy instrument. Special attention is paid to the state's role in shaping and directing soft power strategies through centralized institutions, reflecting the characteristics of Russia's vertically integrated political system. The paper investigates the core domains through which Russian soft power is exercised, including the internationalization of higher education, the global promotion of the Russian language and cultural heritage, sports diplomacy, vaccine diplomacy during the COVID-19 pandemic, state-sponsored media outreach, and participation in multilateral organizations such as the United Nations, the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), and BRICS. Empirical evidence demonstrates that Russia's soft power projection is predominantly state-driven, ideologically framed by the notion of "sovereign democracy," and geographically focused on the post-Soviet space as a zone of privileged strategic interest. Key findings suggest that while Russia has succeeded in institutionalizing its soft power instruments and expanding its global humanitarian presence, the country's approach remains largely reactive and constrained by short-term political objectives. The article concludes by arguing for the need to formulate a more proactive and long-term soft power strategy, supported by cross-sectoral coordination and tailored regional engagement. The study contributes to the broader discourse on alternative models of soft power in a multipolar world and offers insights into the normative and operational dynamics of non-Western public diplomacy practices.

Keywords: Russian foreign policy, cultural diplomacy, public diplomacy, strategic influence, educational policy, Russian language, informational outreach, international organizations, ideology of sovereign democracy

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Efimenko A.M. 2025. Conceptual and Practical Aspects of Implementing Russia's "Soft Power" in Contemporary International Relations. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 754–764 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764. EDN: IRRNLF

Введение

Современная международная система характеризуется усложнением межгосударственных взаимодействий и повышением роли нематериальных форм влияния. В этих условиях «мягкая сила», концепция, предложенная Джозефом Наем, предполагающая достижение внешнеполитических целей посредством привлекательности культурных образцов, политических ценностей и внешнеполитического курса, становится важным фактором глобального соперничества. Вместо классических методов дипломатического давления и военно-политического принуждения государства всё чаще обращаются к гуманитарным, образовательным и культурным инструментам для продвижения своих интересов и усиления международного влияния.

Российская Федерация активно вовлечена в процессы глобальной трансформации, стремясь усилить своё влияние и повысить эффективность собственной внешней политики. В этом контексте формирование и использование механизмов «мягкой силы» становится стратегическим направлением внешнеполитической деятельности России, направленным на преодоление негативных международных стереотипов и создание позитивного образа государства за рубежом.

Необходимость углублённого анализа и систематизации российского подхода к применению инструментов «мягкой силы» обусловлена как внутренними политическими задачами, так и внешнеполитическими вызовами. В условиях растущей конкуренции за идеологическое и культурное влияние на международной арене, а также усиления конфронтационных тенденций между глобальными державами, понимание специфики и оценка эффективности российских стратегий мягкого воздействия приобретают особое значение. Исследование данных аспектов способствует выявлению как преимуществ, так и проблемных зон, на основании чего становится возможным разработать комплексную, устойчивую и эффективную внешнеполитическую стратегию.

Основной целью предлагаемой статьи является проведение детализированного политологического анализа ключевых направлений использования «мягкой силы» в российской внешней политике, выявление её национальной специфики, а также сопоставление российского опыта с аналогичными практиками других государств, прежде всего Китайской Народной Республики, чей опыт является особенно показательным ввиду сходных моделей государственного управления и значимости государственных структур в реализации внешнеполитических стратегий.

Методологическая база исследования строится на системном подходе и включает сравнительный, исторический и институциональный анализ, позволяющий наиболее полно раскрыть сущность изучаемого явления и отследить его эволюцию. Использование этих методов обусловлено необходимостью всестороннего рассмотрения феномена «мягкой силы» как комплексного внешнеполитического инструмента, включающего различные формы взаимодействия и влияния.

Эмпирическая основа анализа представлена официальными документами и материалами российского внешнеполитического ведомства, в том числе концепциями внешней политики РФ, указами и распоряжениями главы государства, программами профильных ведомств, а также статистическими данными и отчётами о реализации российских гуманитарных, образовательных и культурных инициатив за рубежом.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает политика «мягкой силы» Российской Федерации как составная часть её внешнеполитической стратегии в условиях трансформации международной системы. В качестве предмета анализа рассматриваются институциональные механизмы, направления и практические формы реализации гуманитарного, культурного, образовательного и информационного влияния России на международной арене, а также специфика национальной модели в сравнении с западными и восточными концепциями.

Методологическая база исследования опирается на системный подход, позволяющий рассматривать «мягкую силу» как комплексный феномен, включающий разнообразные инструменты нематериального воздействия. Применение сравнительного метода обеспечивает выявление сходств и различий между российской стратегией и практиками других государств, в первую очередь Китая, что позволяет отследить специфику и ограниченность российского подхода. Институциональный анализ использован для изучения структуры и функционирования государственных и квазигосударственных организаций, ответственных за разработку и реализацию гуманитарной политики, включая фонд «Русский мир», Россотрудничество, Российский совет по международным делам и специализированные подразделения МИД РФ.

Эмпирическую основу составляют официальные нормативно-правовые акты и концептуальные документы внешнеполитического ведомства Российской Федерации, указы и распоряжения главы государства, статистические материалы о реализации гуманитарных и образовательных программ, а также отчёты профильных институтов и публикации экспертного сообщества. Использование комплексного набора методов и источников позволило не только реконструировать процесс институционализации российской «мягкой силы», но и выявить её особенности, динамику и перспективы развития.

Результаты и их обсуждение

Концепция «мягкой силы» начала занимать значительное место в российском внешнеполитическом дискурсе с начала 2000-х годов, когда государство стало постепенно возвращать себе утраченные позиции в глобальной политике после сложного периода 1990-х. Важным событием, закрепившим институциональную основу гуманитарного и культурного влияния России, стало создание Фонда «Русский мир», учреждённого указом президента Дмитрия Медведева в 2007 году при активном участии Министерства иностранных дел и

Министерства образования и науки РФ. Целями фонда были обозначены популяризация русской культуры и языка за рубежом, поддержка российского образовательного экспорта и формирование позитивного восприятия России в международном информационном пространстве [Кушнарев, 2022, с. 44–68].

Следующий значительный шаг был сделан в 2008 году, когда на смену Росзарубежцентру было создано Федеральное агентство Россотрудничество, которое стало ключевым оператором гуманитарных и культурных программ России за рубежом. Данное ведомство, имеющее схожий функционал с Агентством США по международному развитию (USAID), призвано развивать связи с соотечественниками, проживающими за пределами страны, и реализовывать масштабные программы культурного и образовательного взаимодействия, преимущественно в постсоветских государствах.

Дополнительную системную базу российскому подходу придало создание в 2011 году Российского совета по международным делам (РСМД), выступающего своеобразным посредником между экспертным сообществом, государственными структурами и гражданскими институтами. Одним из первых важных теоретических обоснований значимости «мягкой силы» в российской дипломатии стала публикация Игоря Иванова, бывшего министра иностранных дел РФ, подчеркнувшего необходимость развития «умной дипломатии», ориентированной на использование нематериальных ресурсов, и привлекательности государства [Иванов, 2011, с. 23–37].

Существенным моментом в истории формирования российской доктрины «мягкой силы» стал 2012 год, когда Владимир Путин, являясь кандидатом на пост президента России, впервые явно обозначил этот термин в своей программной статье, акцентировав внимание на важности формирования образа России как надёжного международного партнёра, который использует не только военные и экономические, но и культурно-гуманитарные ресурсы для продвижения своих интересов [Сулимин, 2021, с. 94–98]. Спустя год термин «мягкая сила» вошёл в официальный внешнеполитический дискурс России, будучи закреплён в новой Концепции внешней политики РФ, утверждённой президентом В.В. Путиным. В документе подчёркивалось, что российская модель «мягкой силы» должна использовать гражданское общество, медиа-ресурсы и культурно-гуманитарные методы, которые отличаются от классических дипломатических практик и соответствуют национальной специфике России [Борисов, 2020, с. 1–11].

Важным эпизодом практической реализации «мягкой силы» стала деятельность международного коммуникационного агентства Ketchum, работавшего с российским правительством с 2006 по 2014 годы. Агентство способствовало улучшению имиджа России на международной арене, в частности поддерживая информационное освещение саммита «Большой восьмёрки» и оказывая содействие вступлению России в ВТО, а также организуя публикации российских официальных представителей в западных СМИ [Лю, 2023, с. 58–67].

Существенные коррективы в подходах к реализации российской «мягкой силы» произошли в 2020 году с назначением Евгения Примакова на должность руководителя Россотрудничества. Новая стратегия предполагала более целенаправленное использование ресурсов и проведение мероприятий с учётом региональной специфики и конкретных целевых аудиторий [Морозов, 2022, с. 410–427]. Кроме того, в 2021 году в структуре МИД России был создан специализированный департамент, курирующий политику «мягкой силы». Его задачами стали выработка стратегических направлений и координация действий между различными российскими ведомствами и неправительственными организациями, занимающимися международной гуманитарной и культурной деятельностью [Неймарк, 2022, с. 350].

Среди центральных направлений применения инструментов «мягкой силы» России особое место занимает образование, выступающее одним из ключевых каналов воздействия на зарубежные аудитории. Россия традиционно привлекательна для иностранных студентов, особенно из СНГ, Африки и Азии. С целью повышения конкурентоспособности российских вузов был запущен «Проект 5-100», предполагающий активную международную экспансию российских университетов и увеличение числа иностранных студентов, что подчёркивает

стратегическое значение образовательного фактора во внешней политике страны [Игнатенкова, 2021, с. 234–237]. Подтверждением успехов этого направления является открытие филиалов ведущих российских вузов за рубежом, таких как филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Таджикистане [Кушнарев, 2024, с. 24–36].

Русский язык и культура также выступают мощными ресурсами «мягкой силы», поскольку сохраняют значительную популярность и влияние, прежде всего в постсоветском пространстве. Наиболее эффективно эти направления развиваются через деятельность Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и Фонда «Русский мир», которые обеспечивают поддержку преподавания русского языка за рубежом и способствуют продвижению российской культуры на мировой арене [Осташова, 2021, с. 220–226; Осташова, 2022, с. 146–159].

Спортивная дипломатия стала важным аспектом российской «мягкой силы» в последние десятилетия, особенно в период проведения крупных международных соревнований, таких как Олимпиада в Сочи и чемпионат мира по футболу 2018 года. Организация подобных мероприятий позволила России существенно улучшить свой международный имидж, продемонстрировав организационные способности и гостеприимство [Боголюбова, Николаева, 2011, с. 228].

В период пандемии COVID-19 «дипломатия вакцин» стала новым и эффективным инструментом «мягкой силы», продемонстрировав потенциал России как технологического лидера и надёжного партнёра, предоставляющего гуманитарную помощь странам, столкнувшимся с серьёзными последствиями эпидемии [Рудь, 2021, с. 136–140].

Медиа и информационная политика России за рубежом реализуется через такие каналы, как телеканал RT и агентство Sputnik, которые представляют российскую точку зрения на международные события и способствуют формированию образа России в глобальном информационном пространстве [Боголюбова, Николаева, 2011, с. 228; Торосян, Держирученко, 2021, с. 7–13].

Кроме того, неправительственные организации, в том числе Российский международный деловой совет (RIAC) и Валдайский клуб, а также участие в международных организациях, таких как ООН, БРИКС и ШОС, позволяют России активно включаться в глобальную повестку дня и усиливать своё влияние в мировом сообществе [Лукин, 2011, с. 37–47; Цветкова, 2015, с. 495].

Особенности реализации российской концепции «мягкой силы» обусловлены спецификой её политической и институциональной системы, отличающейся значительной степенью государственного участия и доминированием государственных структур в формировании и исполнении внешнеполитических инициатив. В то время как западные государства чаще используют сетевые структуры и широкий спектр негосударственных организаций, Россия реализует свои внешнеполитические задачи преимущественно через официальные государственные или тесно связанные с государством институции. Такой подход позволяет обеспечить более жёсткий контроль и координацию гуманитарных, культурных и информационных мероприятий, но одновременно ограничивает гибкость и реактивность стратегий на изменение внешней среды [Ковба, 2017, с. 185; Алиева, Амбарцумян, 2022, с. 197–216].

Ещё одной отличительной особенностью российской стратегии является её выраженная региональная ориентация, прежде всего на постсоветское пространство, что обусловлено историческими и геополитическими факторами. Россия воспринимает государства бывшего Советского Союза в качестве своего традиционного внешнеполитического приоритета и пытается усилить своё влияние в этом регионе за счёт поддержки русского языка, образования, культурного сотрудничества и экономических связей. Это направление деятельности является особенно важным для России в контексте конкуренции с другими глобальными и региональными державами за влияние в этом стратегически важном регионе [Артеев, 2021, с. 32–57; Исаков, 2023, с. 58–65].

Особую роль в формировании имиджа России на международной арене играет продвижение идеологических концептов «суверенной демократии» и традиционных ценностей. Эти концепты

позиционируют Россию как альтернативу либерально-демократическим западным моделям, предлагая особый цивилизационный и идеологический проект, основанный на традиционных культурных и нравственных ориентирах. Это находит отклик среди консервативных кругов и политических элит ряда зарубежных государств, позволяя России укреплять своё влияние в странах, восприимчивых к альтернативным западному либерализму идеологическим установкам [Никонов, 2015, с. 464; Русакова, Жакьянова, 2022, с. 65–73].

Сравнение российской модели с китайской демонстрирует как сходства, так и принципиальные отличия в подходах к реализации инструментов «мягкой силы». Обе страны характеризуются высоким уровнем государственного контроля за процессами гуманитарного и информационного влияния, а также активно используют государственные медиа и квазигосударственные неправительственные организации для распространения своего влияния за пределами национальных границ [Лебедева, 2017, с. 212–223; Аюа, 2022, с. 120–126]. Вместе с тем Китай, в отличие от России, строит свою политику на образе миролюбивой, экономически успешной державы, активно продвигающей позитивную повестку дня и избегающей прямой конфронтации с западными странами. Российская же стратегия более конфронтационна и идеологически окрашена, особенно после событий 2014 года, что формирует имидж России как государства, противостоящего западной доминации и продвигающего собственную модель международного порядка [Бояркина, 2015, с. 215; Леонова, 2020, с. 104–118; Сюн, Тань, 2022, с. 264–273].

Кроме того, временные горизонты российских и китайских стратегий существенно различаются. Китай предпочитает стратегически выверенные и долгосрочные программы, направленные на постепенное и систематическое усиление своего влияния в различных регионах мира [Шишкина, 2022, с. 58–61]. В российском же случае преобладают краткосрочные инициативы, часто реактивного характера, направленные на решение актуальных политических задач, что снижает общую системность и устойчивость российского подхода [Галларотти, 2021, с. 35–47; Таланов, 2022, с. 22–47].

Отдельного внимания заслуживают специфика реализации стратегий «мягкой силы» авторитарными и демократическими государствами. В авторитарных политических системах, таких как российская, контроль государства за информационной и культурной сферой является максимальным, что позволяет обеспечить согласованность внешнеполитических действий. Однако это приводит и к меньшей гибкости, так как негосударственные акторы ограничены в своей деятельности, а государственные неправительственные организации (ГОНГО) зачастую воспринимаются международной аудиторией как инструмент государственной пропаганды, что может снижать доверие к России как к партнёру на международной арене [Ковба, 2017, с. 115–120; Томберг, 2023, с. 91–104].

Следует отметить также и специфическое отношение России к международным «социальным экспериментам» и распространению западных демократических стандартов. В выступлении на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Владимир Путин подчеркнул, что навязывание других моделей общественного развития зачастую приводит к дестабилизации и кризисам, что является принципиальным отличием российского подхода к «мягкой силе» от западного. Россия, исходя из своего опыта и внешнеполитической доктрины, акцентирует внимание на уважении суверенитета и недопустимости внешнего вмешательства в национальные политические процессы, противопоставляя свои действия подходам США и их союзников [Тонких, Данилова, 2022, с. 371–375].

Таким образом, российская модель применения «мягкой силы» демонстрирует уникальные черты, обусловленные национальной спецификой и геополитическими условиями, а также наличием противоречий и конкуренции с западными странами и их либерально-демократической идеологией. Несмотря на отдельные успехи, российская стратегия сталкивается с рядом вызовов, требующих серьёзного осмысления и корректировки для повышения её общей эффективности.

Заключение

Научная значимость проведённого исследования обусловлена тем, что в нём была предпринята систематическая попытка концептуального осмысления и комплексного анализа подходов и инструментов применения российской «мягкой силы» с особым акцентом на её национальной специфике и геополитическом контексте.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на протяжении последних двух десятилетий российская политика «мягкой силы» прошла значительный путь институционализации и концептуального оформления. Важными этапами этого процесса стали создание таких структур, как Россотрудничество, фонд «Русский мир», Российский совет по международным делам, а также формирование специализированных департаментов в рамках внешнеполитического ведомства, курирующих реализацию этой политики. Тем самым Россия сформировала достаточно развитую инфраструктуру, позволяющую ей использовать культурно-гуманитарные, образовательные и информационные ресурсы в интересах внешней политики и продвижения национальных интересов на мировой арене.

Среди основных инструментов российского гуманитарного влияния на международной арене можно выделить такие значимые направления, как образование, русский язык и культура, спортивная дипломатия, гуманитарная помощь и дипломатия вакцин, информационная деятельность в зарубежных СМИ, а также деятельность государственных и негосударственных организаций и участие в международных институтах. Каждый из перечисленных инструментов имеет свой уникальный потенциал и определённые особенности, которые необходимо учитывать при разработке и реализации внешнеполитических стратегий.

Вместе с тем российская модель «мягкой силы» обладает рядом характерных черт, отличающих её от подходов западных государств и других крупных держав, таких как Китай. Прежде всего, российская внешняя политика отличается значительным доминированием государственных структур и высокой степенью централизации управления, что повышает согласованность проводимых мероприятий, но ограничивает гибкость подходов. Ориентация на страны постсоветского пространства, использование идеологием «суверенной демократии» и акцент на традиционных ценностях также выделяют Россию на фоне западных моделей и делают её подход уникальным и привлекательным для определённых целевых групп в мировом сообществе.

Сравнительный анализ российской и китайской стратегий показал, что обе страны используют схожие методы государственного контроля за гуманитарной политикой, однако их подходы отличаются по степени идеологической окрашенности и временным рамкам реализуемых инициатив. Российская модель в большей степени носит реактивный характер, ориентируясь на решение краткосрочных политических задач, в то время как китайская «мягкая сила» отличается долгосрочным и стратегическим подходом.

Для дальнейшего повышения эффективности российской стратегии необходимо продолжить процесс её концептуализации, уточнения приоритетов и совершенствования механизмов реализации. Важной задачей на перспективу является усиление координации между различными ведомствами и организациями, вовлечёнными в гуманитарное и культурное влияние России за рубежом. Также необходимо более чётко адаптировать российские программы к специфике и потребностям регионов и стран, в которых осуществляется российское влияние, учитывая их культурные и политические особенности. Таким образом, при условии реализации комплексного и согласованного подхода «мягкая сила» может стать одним из наиболее эффективных внешнеполитических ресурсов России, способствуя продвижению её долгосрочных национальных интересов и улучшению международного имиджа государства.

Проведённое исследование имеет важное научное значение, поскольку расширяет теоретические и эмпирические представления о специфике реализации «мягкой силы» в условиях постсоветского пространства и авторитарной модели управления. Научная ценность работы заключается в системном подходе к анализу инструментов и механизмов российского

влияния, а также в сравнении с международными практиками, что обогащает понимание многообразия моделей данного понятия в современном мире. Результаты исследования способствуют развитию междисциплинарных исследований в области внешней политики, международных отношений и публичной дипломатии, предоставляя методологические основы для дальнейшего изучения роли нематериальных факторов в геополитике.

Список литературы

- Алиева Л.Р., Амбарцумян К.Р. 2022. Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 15(2): 197–216.
- Арефьев А.Л. 2018. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М., Центр социального прогнозирования и маркетинга, 272 с.
- Артеев С.П. 2021. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, 13(1): 32–57.
- Ауа Д.А. 2022. Стратегия СМИ как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России в Африку. Вопросы устойчивого развития общества, 1: 120–126.
- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. 2011. Спорт в палитре международных отношений: гуманитарный, дипломатический и культурный аспекты. СПб., Изд-во СПбГУ, 228 с.
- Борисов А.В. 2020. «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки. Мировая политика, 1: 1–11.
- Бояркина А.В. 2015. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 215 с.
- Василенко И.А. 2012. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. М., Экономика, 320 с.
- Галларотти Г.М. 2021. Изменение? Лицо власти в международных отношениях, 1979–2019. Журнал политической власти, 2: 35–47.
- Игнатенкова И.А. 2021. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования. Евразийское научное объединение, 6–3(76): 234–237.
- Иванов И. 2011. Какая дипломатия нужна России в XXI веке? Россия в глобальной политике, 6(3): 23–37.
- Исаков А.В. 2023. Использование мягкой силы в подходе России к борьбе с терроризмом в Афганистане (до 2021 г.). В кн.: «Восточный вопрос» во внешней политике России в XX–XXI вв.: сборник статей. М., Российский государственный гуманитарный университет: 58–65.
- Ковба Д.М. 2017. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Дискурс-Пи, 1(26): 115–120.
- Ковба Д.М. 2017. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 185 с.
- Кушнарев Ф.Ю. 2022. Бренд страны, региона и города как фактор «мягкой силы» России. Мир русскоговорящих стран, 3(13): 44–68.
- Кушнарев Ф.Ю. 2024. Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России в условиях динамики политических изменений. Мир русскоговорящих стран, 4(22): 24–36.
- Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. Вестник МГИМО-Университета, 3(54): 212–223.
- Леонова О.Г. 2020. Динамика рейтинга «мягкой силы» России. Век глобализации, 2(34): 104–118.
- Лукин А.В. 2011. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане. Вестник МГИМО-Университета, 5: 37–47.
- Лю Ц. 2023. Концепция «мягкой силы» во внешней политике Китая и России: особенности и перспективы. Социально-гуманитарные знания, 4: 58–67.
- Морозов Ю.В. 2022. Увеличение роли «мягкой силы» России на международной арене. В кн.: Стратегический треугольник США – КНР – РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М., Институт Китая и современной Азии РАН: 410–427.
- Неймарк М.А. 2022. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. 2-е изд., перераб. и доп. М., Дашков и К, 350 с.
- Никонов В.А. 2015. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., Эксмо, 464 с.
- Осташова Я.В. 2022. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и России на современном этапе. В кн.: Глобальная конкуренция США и КНР. М., Российский университет дружбы народов (РУДН): 146–159.
- Осташова Я.В. 2021. Образование как элемент политики «мягкой силы»: современные политические реалии России и Казахстана. Евразийский союз: вопросы международных отношений, 10(3/37): 220–226.

- Павлова Д.В. 2020. «Мягкая сила» России в условиях глобализации: культурный аспект. Вопросы политологии, 10(4/56): 1235–1241.
- Рудь Е.Г. 2021. Оценка эффективности «мягкой силы» России западными и российскими СМИ. В кн.: Мир после пандемии COVID-19: политика, безопасность, экономика и культура. Краснодар, Кубанский государственный университет: 136–140.
- Русакова О.Ф., Жакьянова А.М. 2022. Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов. В кн.: Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: 65–73.
- Сулимин А.Н. 2021. Реализация стратегии «мягкой силы» России в условиях социально-политической бифуркации. Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина: 94–98.
- Сюн Л., Тань Я. 2022. История развития образовательного сотрудничества между Россией и Китаем через призму «мягкой силы». Вопросы истории, 11–3: 264–273.
- Таланов С.Л. 2022. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты. Мир русскоговорящих стран, 2(12): 22–47.
- Томберг И.Р. 2023. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 1(35): 91–104.
- Тонких В.А., Данилова О.А. 2022. «Мягкая сила» США vs «мягкая сила» России: основы и особенности. Молодой ученый, 50(445): 371–375.
- Торосян В.Г., Держирученко Р.Н. 2021. Культура как «мягкая сила»: диапазон действий и потенциальные возможности. Культурная жизнь Юга России, 1(80): 7–13.
- Цветкова Н.А. 2015. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 495 с.
- Шишкина Д.Д. 2022. Современный потенциал России в контексте «мягкой силы» Джозефа Ная. Слово в науке, 3: 58–61.

References

- Aliyeva L.R., Ambartsumyan K.R. 2022. Rol' mezhdunarodnoj akademicheskoy mobil'nosti v usilenii effektivnosti politiki «myagkoj sily» sovremennoj Rossii [The Role of International Academic Mobility in Strengthening the Effectiveness of Russia's «Soft Power» Policy]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya, 15(2): 197–216.
- Aref'ev A.L. 2018. Russkij yazyk na rubezhe XX–XXI vekov [The Russian Language at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 272 p.
- Arteev S.P. 2021. Vneshnyaya politika Rossii: «myagkaya sila» regionov [Russia's Foreign Policy: «Soft Power» of the Regions]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 13(1): 32–57.
- Aua D.A. 2022. Strategiya SMI kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii v Afriku [Media Strategy as a «Soft Power» Tool in Russia's Foreign Policy in Africa]. Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva, 1: 120–126.
- Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. 2011. Sport v palitre mezhdunarodnyh otnoshenij: gumanitarnyj, diplomaticheskij i kul'turnyj aspekty [Sport in the Palette of International Relations: Humanitarian, Diplomatic and Cultural Aspects]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 228 p.
- Borisov A.V. 2020. «Myagkaya sila» Rossii: spetsifika ponimaniya i otsenki [«Soft Power» of Russia: Specifics of Understanding and Evaluation]. Mirovaya politika, 1: 1–11.
- Boyarkina A.V. 2015. «Myagkaya sila» kak politicheskij instrument realizatsii vneshnej politiki KNR na rubezhe XX–XXI vv. [«Soft Power» as a Political Tool of China's Foreign Policy at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Vladivostok, 215 p.
- Vasilenko I.A. 2012. Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga [Russia's Image: The Concept of National and Territorial Branding]. Moscow, Ekonomika, 320 p.
- Gallarotti G.M. 2021. Izmenenie? Lico vlasti v mezhdunarodnyh otnosheniyah, 1979–2019 [Change? The Face of Power in International Relations, 1979–2019]. Zhurnal politicheskoy vlasti, 2: 35–47.
- Ignatenkova I.A. 2021. Realizatsiya strategicheskikh natsional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «myagkoj sily» na primere razvitiya eksporta obrazovaniya [Implementation of Russia's Strategic National Interests Through «Soft Power» Policy on the Example of Education Export]. Evrazijskoe nauchnoe ob'edinenie, 6–3(76): 234–237.

- Ivanov I. 2011. Kakaya diplomatiya nuzhna Rossii v XXI veke? [What Kind of Diplomacy does Russia Need in the 21st Century?]. *Rossiia v global'noj politike*, 6(3): 23–37.
- Isakov A.V. 2023. Ispol'zovanie myagkoj sily v podhode Rossii k bor'be s terrorizmom v Afganistane (do 2021 g.) [Use of Soft Power in Russia's Approach to Combating Terrorism in Afghanistan (until 2021)]. In: «Vostochnyj vopros» vo vneshnej politike Rossii v XX–XXI vv. Moscow, RGGU: 58–65.
- Kovba D.M. 2017. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoy nauke i praktike [«Soft Power» in Chinese Political Science and Practice]. *Diskurs-Pi*, 1(26): 115–120.
- Kovba D.M. 2017. «Myagkaya sila» kak politicheskaya strategiya gosudarstv Vostochnoaziatskogo regiona [«Soft Power» as a Political Strategy of East Asian States]. Ekaterinburg, 185 p.
- Kushnarev F.Yu. 2022. Brend strany, regiona i goroda kak faktor «myagkoj sily» Rossii [The Brand of a Country, Region and City as a Factor of Russia's «Soft Power»]. *Mir russkogovoryashchih stran*, 3(13): 44–68.
- Kushnarev F.Yu. 2024. Obrazovanie kak element «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii v usloviyah dinamiki politicheskikh izmenenij [Education as an Element of «Soft Power» in Russia's Foreign Policy Under Dynamic Political Changes]. *Mir russkogovoryashchih stran*, 4(22): 24–36.
- Lebedeva M.M. 2017. «Myagkaya sila»: ponyatie i podhody [«Soft Power»: Concept and Approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 3(54): 212–223.
- Leonova O.G. 2020. Dinamika rejtinga «myagkoj sily» Rossii [Dynamics of Russia's «Soft Power» Rating]. *Vek globalizatsii*, 2(34): 104–118.
- Lukin A.V. 2011. Shanhajskaya organizatsiya sotrudnichestva i rossijskie interesy v Central'noj Azii i Afganistane [Shanghai Cooperation Organization and Russia's Interests in Central Asia and Afghanistan]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 5: 37–47.
- Lyu C. 2023. Kontseptsiya «myagkoj sily» vo vneshnej politike Kitaya i Rossii: osobennosti i perspektivy [The Concept of «Soft Power» in the Foreign Policy of China and Russia: Features and Prospects]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4: 58–67.
- Morozov Yu.V. 2022. Uvelichenie roli «myagkoj sily» Rossii na mezhdunarodnoj arene [The Growing Role of Russia's «Soft Power» in the International Arena]. In: *Strategicheskij treugol'nik SShA – KNR – RF*. Moscow, Institut Kitaya i sovremennoj Azii RAN: 410–427.
- Nejmark M.A. 2022. Geopolitika «myagkoj sily»: opyt Rossii [Geopolitics of «Soft Power»: Russia's Experience]. Moscow, Dashkov i K, 350 p.
- Nikonov V.A. 2015. Kod tsivilizatsii. Chto zhdet Rossiyu v mire budushchego? [Code of Civilization. What Awaits Russia in the World of the Future?]. Moscow, Eksmo, 464 p.
- Ostashova Ya.V. 2022. Faktor obrazovaniya v «myagkoj sile» SShA, Kitaya i Rossii na sovremennom etape [The Education Factor in the «Soft Power» of the USA, China and Russia at the Present Stage]. In: *Global'naya konkurentsia SShA i KNR*. Moscow, RUDN: 146–159.
- Ostashova Ya.V. 2021. Obrazovanie kak element politiki «myagkoj sily»: sovremennye politicheskie realii Rossii i Kazakhstana [Education as an Element of «Soft Power» Policy: Current Political Realities of Russia and Kazakhstan]. *Evrazijskij soyuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij*, 10(3/37): 220–226.
- Pavlova D.V. 2020. «Myagkaya sila» Rossii v usloviyah globalizatsii: kul'turnyj aspekt [«Soft Power» of Russia in the Context of Globalization: Cultural Aspect]. *Voprosy politologii*, 10(4/56): 1235–1241.
- Rud' E.G. 2021. Otsenka effektivnosti «myagkoj sily» Rossii zapadnymi i rossijskimi SMI [Assessment of the Effectiveness of Russia's «Soft Power» by Western and Russian Media]. In: *Mir posle pandemii COVID-19*. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvennyj universitet: 136–140.
- Rusakova O.F., Zhak'yanova A.M. 2022. Evolyutsiya kontsepta «myagkoj sily» v tvorchestve Dzhozefa Naya: analiz osnovnykh etapov [The Evolution of the «Soft Power» Concept in Joseph Nye's Works: Analysis of Main Stages]. In: *Kul'tura i priroda politicheskoy vlasti*. Ekaterinburg: 65–73.
- Sulimin A.N. 2021. Realizatsiya strategii «myagkoj sily» Rossii v usloviyah sotsial'no-politicheskoy bifurkatsii [Implementation of Russia's «Soft Power» Strategy in the Context of Socio-Political Bifurcation]. *Chelovek. Istoriya. Kul'tura*, Saratov: 94–98.
- Syun L., Tan' Ya. 2022. Istoriya razvitiya obrazovatel'nogo sotrudnichestva mezhdru Rossiej i Kitaem cherez prizmu «myagkoj sily» [History of Educational Cooperation Between Russia and China Through the Prism of «Soft Power»]. *Voprosy istorii*, 11–3: 264–273.
- Talanov S.L. 2022. Mesto obrazovaniya v politike «myagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravleniya i instrumenty [The Place of Education in Russia's «Soft Power» Policy: Strategic Directions and Tools]. *Mir russkogovoryashchih stran*, 2(12): 22–47.

- Tomberg I.R. 2023. Russkij mir kak element «myagkoj sily» Rossii v stranah Central'noj Azii [The «Russian world» as an Element of Russia's «Soft Power» in Central Asian Countries]. Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir, 1(35): 91–104.
- Tonkih V.A., Danilova O.A. 2022. «Myagkaya sila» SShA vs «myagkaya sila» Rossii: osnovy i osobennosti [«Soft Power» of the USA vs «Soft Power» of Russia: Foundations and Features]. Molodoj uchenyj, 50(445): 371–375.
- Torosyan V.G., Derzhiruchenko R.N. 2021. Kul'tura kak «myagkaya sila»: diapazon dejstvij i potentsial'nye vozmozhnosti [Culture as «Soft Power»: Range of Actions and Potential Opportunities]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, 1(80): 7–13.
- Tsvetkova N.A. 2015. Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoy i politicheskoy ekspansii SShA v mire, 1914–2014 gg. [Public Diplomacy as an Instrument of Ideological and Political Expansion of the USA in the World, 1914–2014]. Saint Petersburg, 495 p.
- Shishkina D.D. 2022. Sovremennyy potentsial Rossii v kontekste «myagkoj sily» Dzhozefa Naya [The Modern Potential of Russia in the Context of Joseph Nye's «Soft Power»]. Slovo v nauke, 3: 58–61.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.05.2025

Received 28.05.2025

Поступила после рецензирования 20.06.2025

Revised 20.06.2025

Принята к публикации 20.07.2025

Accepted 20.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ефименко Анастасия Михайловна, аспирант, ассистент кафедры государственного управления, Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск, Россия

Anastasia M. Efimenko, Postgraduate Student, Assistant of the Department of Public Administration, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Russia

 [ORCID: 0009-0003-8513-1703](https://orcid.org/0009-0003-8513-1703)